

А.И. Прохоров

Акт знания и его модальный анализ. Выявление предпосылок семантической теории Э. Гуссерля*

Прохоров Александр Иванович – аспирант. Русская христианская гуманитарная академия. Российская Федерация, 191011, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Фонтанки, 15, литер А; e-mail: eisensarg@mail.ru

В статье рассматривается концепция научного знания, предложенная Гуссерлем в первом томе «Логических исследований». Для описания научного знания как феномена применяется понятие дисциплинарности, конституирующим элементом которой выступает акт знания. Акты научного знания распределены внутри поля дисциплинарности в соответствии с принципом очевидности. Структура акта знания, размещённого среди других актов в поле дисциплинарности, гомогенна структуре модальных оттошений в категориальной системе, разработанной И. Кантом. Модальный анализ показывает, как индивидуальные акты знания связаны с возникновением понятийного аппарата научной дисциплины, и поэтому позволяет выразить через единый акт знания отношения теоретических, нормативных и практических дисциплин на структурном уровне. Даны общие принципиальные условия теоретического рассмотрения эмпирического материала науки. Описана связь между понятием науки вообще и частными научными дисциплинами. Наука представлена как принцип организации условий очевидности, обеспечивающий производство актов знания. Анализируется понятие нормы и показывается, как инверсия фундаментальной нормы позволяет переходить от теоретических научных дисциплин к практическим. Акт знания рассматривается в качестве семиотического объекта, на который могут быть перенесены результаты модально-дисциплинарного анализа. Взаимодействие «теоретического» и «практического» представляется как особая форма коммуникации. Предложенный метод не только «изнутри» раскрывает целесообразность феноменологической редукции, но проясняет многие проблематичные моменты семантики Гуссерля, развиваемой уже во втором томе его «Исследований». В частности, предложен способ интерпретации утверждения о равнозначности понятий «смысл» и «значение», а также описано соотношение понятий «выражение» и «обозначение».

Ключевые слова: Гуссерль, знание, модальность, семантика, семиотика, феноменология, философия языка

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-311-00268 «Поэтика философского мышления: культурная парадигма модерна и современные тенденции».

Статья-манифест «Философия как строгая наука» была опубликована только в 1911 г., но уже в первом томе «Логических исследований», вышедшем в 1900 г., изложение построено так, что понятие науки оказывается принципиальным элементом, органически вплетённым в ту понятийную систему, которая впоследствии ляжет в основание трансцендентальной феноменологии. Анализ некоторых моментов этого раннего текста позволяет прояснить, как понятие «строгой науки» «реализуется феноменологически» [Гуссерль, 2011б, с. 23] и как в этой реализации разрешается вопрос о соотношении дескриптивно-символических выражений науки и познавательной активности субъектов теоретического мышления¹.

Наука – это не сумма и не сплетение актов знания [Гуссерль, 2011а, с. 30], а в некотором смысле вмещилище, в котором такие акты фиксируются и концептуализируются как нечто существующее, обладающее действительностью. Пространство науки неравномерно, и определяется оно не точным описанием каждого акта знания в статусе узаконенного самоочевидного элемента эпистемологического универсума и не однозначным определением положения каждого конкретного атома по отношению ко всем прочим, а наличием относительно устоявшихся и отделённых друг от друга единств, представляющих собой роящиеся множества сингулярных актов. Эти множества образуют реальные научные дисциплины. Внешнее же проявление некоторого общего принципа сосуществования, объёмлющего их расположение относительно друг друга, обуславливающего координацию их внутренних частей, связующих каналов, разделяющих областей и провалов, может быть названо дисциплинарностью. Дисциплинарность – это результат «открытия» и выведения на поверхность вещей той «систематики, присущей науке», что коренится в «самих вещах» [там же, с. 32], где «поверхность вещей» феноменологически функционирует как подготовленный к продумыванию уровень обзора, потенциально обеспечивающий доступ к эйдетическому видению.

Гуссерль говорит, что, не являясь суммой актов знания, наука, меж тем, обеспечивает условия производства таких актов. Иными словами, наука (Wissenschaft) – это не само скопище знаний – пусть даже подвергнутое скрупулёзнейшей систематизации или рассматриваемое динамически в виде бесконечной совокупности возникающих и исчезающих явлений, – но универсальный принцип, приводящий во вращение некоторую жёсткую ось (Schaft²), что создаёт особое поле тяготения, куда стягиваются (центростремительный аспект) только те акты знания, которые достаточно вызрели, чтобы, образно выражаясь, стать видимыми теоретическому глазу – за счёт пребывающего в них света истины. Это поле тяготения и есть то, что Гуссерль называет направленностью науки на знание. Совершенно равносильным здесь будет использовать метафору центробежного движения в этом случае вокруг вращающейся оси образуется поле, из которого, наоборот, выталкивается (центробежный аспект) всё, что не относится к актам знания, удовлетворяющим специальным условиям. Поле тяготения-выталкивания, или (в общем случае)

¹ Предлагаемый анализ призван дополнить современные исследования, проводимые на стыке трансцендентальной феноменологии и философии языка. См., например: [Beyer, 2000; Klaas, 1998; Mai, 2008; Mulligan, 1980; Soldati, 1996].

² Вал, стержень, ось (тело оси) – (нем.)

дифференциальное поле сепарации, динамически образующее область очевидности, и есть то «вместилище», попадая в которое множественные акты знания тяготеют к формированию дисциплинарных множеств. Следовательно, Wissenschaft – это (в предельном случае) не что иное, как принцип организации условий очевидности.

Очевидность предстает как совокупность условий, обеспечивающих «непосредственное овладение самой истиной» [там же, с. 31], т. е. как качественный переход из индуктивной реальности психически детерминированного субъекта к объективному положению дел, которое становится основой всякого знания, в неизменном виде сопровождая каждый субъективный познавательный акт в качестве его аксиоматики. Ограниченность понятия очевидности, проявляющаяся при любой его эмпирической реализации, обусловлена его идеальной природой, действующей только в понятийной среде, та или иная структура которой порождает совершенно конкретную ситуацию рассмотрения – область теоретической работы, определяющую чистую предметность мышления вообще или в частном случае – научного исследования. Теоретическое мышление, прибавляя к своему инструментарию каждое новое понятие, партикуляризирует его смысл, изначально обладающий известной свободой. Факторы, образующие в своём множестве смысловую потенциальность понятия, приводятся в соответствие с внутренней аксиоматикой уже наличествующего теоретического аппарата, а также в соответствие друг с другом в пределах самого понятия, и тем самым актуализируются в некоторую теоретическую частность. Если же какие-либо факторы не согласуются с понятийной системой и внутренней смысловой конкретностью понятия, то они исключаются как эквивокативные, т. е. непригодные для непротиворечивого функционирования в разрабатываемой теории. Понятие очевидности предполагает, что та ситуация, в которой случается усмотрение истины, сама определяет достаточные основания такого усмотрения, а подобное возможно только на теоретическом, идеальном уровне. Любая совокупность понятий образует теорию лишь символически – внутренняя систематика теории организована теми факторами, что детерминируют включённость каждого понятия в систему. На это и указывает Гуссерль, когда пишет, что фактически очевидность обнаруживается «только в весьма ограниченной группе примитивных положений дел» [там же, с. 33].

Изучением принципа, внешне проявляющегося в виде состояния очевидности, должна заниматься метадисциплина, для обозначения которой Гуссерль выбирает название Wissenschaftslehre («наукоучение»). В отличие от Фихте, у Гуссерля наукоучение принимает более узкое техническое значение и в своей направленности на теоретические связи между истинами разных наук, определяющие объективное содержание науки в целом, совпадает с понятием чистой логики. Чистая логика отвечает исключительно за форму, которая образует «идеальную сторону» [там же, с. 146] всякой теории. Задавая критерии, по которым состояние теории оценивается на предмет обеспечения условий очевидного усмотрения истины, чистая логика возглавляет комплекс дисциплин, называемых «нормативными». Нормативная дисциплина определяет, в какой степени новый объект, предполагаемый в качестве объекта предметного интереса, может быть соотнесён с теоретической системой, кон-

ституирующей предметную интенцию. Иными словами, любая нормативная дисциплина полностью имплицирована теоретическим содержанием, но может применяться как к теоретическим объектам, устанавливая правила их существования в единой понятийной сетке, так и к эмпирическим объектам, регламентируя правила их соотношения с предметной интенцией мышления, ведущего эмпирическую исследовательскую работу на базе предварительно развёрнутой теоретической системы. Когда нормирование обращено на теоретические объекты, понятие степени соответствия по основанию условия очевидности сводится к жёсткой альтернативе «соответствует/не соответствует». Поэтому все нормативные дисциплины, подвизающиеся на теоретическом уровне, являются частными случаями чистой логики, где «частность» обусловлена ригоризирующей работой нормировочных установок в области не вполне устойчивого синтаксиса обслуживаемой теории. Но что касается практических дисциплин, то здесь определение степени соответствия имеет принципиальный характер и разворачивается в символическом диапазоне «хорошо/плохо». Поэтому в каждой практической дисциплине присутствует своя «фундаментальная норма» [там же, с. 55], выступающая основанием нормирования, т. е. полагающая общие идеальные условия вхождения эмпирического материала в теоретическое рассмотрение. Возникновение «практической дисциплины» представляет собой случай инверсии фундаментальной нормы. Так, например, фундаментальная норма такой дисциплины, как физика, требует подводить все эмпирические взаимодействия исследуемой области под основной физический закон, лежащий в основе теоретического описания этих взаимодействий. Инверсия позволяет получить практическую дисциплину прикладного технического характера, со стороны которой инвертированная норма прочитывается как «эффективность».

Таким образом, каждый размещённый в дескриптивном поле дисциплинарности акт знания может быть представлен как взаимодействие трёх неравнозначных составляющих: во-первых, его отношения к идеальному (центростремительная сила, определяющая теоретическую значимость), во-вторых, его отношения к реальному (центробежная сила, определяющая практическую значимость акта) и, в-третьих, его нормированность (циркулярная сила, уравнивающая две другие и символизирующая определённую их соотношения)³. Но соотношение этих трёх составляющих не детерминировано однозначно в рамках чистой оппозиции теоретического и практического, будучи опосредовано влиянием других актов, вся совокупность которых составляет дисциплину как таковую дисциплинарно локализованное «всеобщее предложение» [Гуссерль, 2011а, с. 58]. Если, например, речь идёт о теоретической дисциплине, то теоретическая составляющая в каждом акте знания будет превалировать над двумя другими, различаясь от акта к акту. Выражение феноменальной сингулярности акта знания через конкретное соотношение этих трёх составляющих позволяет говорить о них как о чистом корреляте введённого ранее понятия определяющих факторов, едва ли поддающегося дескриптивной фиксации.

³ Использование метафоры вращательного движения для последующего выделения характерных градиентов уже имело прецеденты в феноменологически ориентированных исследованиях. См.: [Пятигорский, 2007, с. 72–73].

Наличие теоретической составляющей указывает на *возможность* присутствия акта знания в пространстве науки в принципе: всё, что «возможно», может быть теоретически описано и превращено в объект научного познания – и наоборот⁴. Теоретический компонент это «мера идеальности» феномена, задающая отношение субъективного к объективному.

Практическая составляющая указывает на принадлежность акта знания к сфере явлений, противопоставляемых идеальному содержанию теории в качестве того, что относится к области эмпирического, «реального». В этом смысле практический компонент репрезентирует принцип *существования*. Но к области «реального» относится и всякий акт знания вообще, рассматриваемый как один из феноменов, образующих пространство дисциплинарности, поэтому практическая составляющая конкретизирует положение единичного акта как элемента полицентричной системы, регулируя тем самым его дисциплинарную *действительность*.

Нормативная составляющая выражает обязательные условия производства истины как в отношении теоретического к самому себе, так и в отношении практического к эмпирическому, т. е. выступает принципом *необходимости*.

Структура акта знания, описывающая его включённость в поле дисциплинарности, совпадает со структурой категорий модальности по Канту. Выведение структурной аналогии именно по категории модальности, без обращения к другим категориям, оправдано благодаря наличию сугубо *ноэватической* проблематичности⁵ данной рубрики категорий⁶. Другое дело, что в изложении Канта категории имеют вполне определённый порядок: за возможностью следует существование, а синтез возможности и существования даёт необходимость [Кант, 2006, с. 111–114]. Замечание Шопенгауэра, что первой надо бы поставить категорию необходимости, которая следует из «исконной и поэтому а priori известной нам формы познания, из закона основания» [Шопенгауэр, 1993, с. 545], тем более уместно, что, как уже было показано, принципом организации пространства дисциплинарности оказывается условие очевидности, к которому сводятся в конечном счёте все нормативные дисциплины.

Категория необходимости полностью гомогенна требованию очевидности: она номинально выражает его и в нём же черпает условия собственной понятийной очевидности. Так что в поле дисциплинарности она и вправду предстаёт первой, но по той лишь причине, что каждый акт знания есть свершившийся факт. Однако при теоретической реконструкции картины – а такая реконструк-

⁴ Это положение в точности согласуется с «Трактатом» Л. Витгенштейна. Чисто теоретическое описание эквивалентно «логическому образу», который способен «отображать мир» (2.19), «трактуя каждую возможность» (2.0121); «форма отображения» есть то, что «образ имеет общим с отображаемым» (2.2), и в то же время образ «изображает возможные положения вещей в логическом пространстве» (2.202) и «содержит возможность того положения вещей, которое он изображает» (2.203) [Витгенштейн, 2011, с. 38–50].

⁵ В ноэватическом способе описания интенциональный предмет берётся «как таковой в отношении полагаемых для него в соответствующих способах осознания определений... таких бытийных модусах, как достоверное бытие, возможное или предположительное бытие и т. д.» [Гуссерль, 2006, с. 101].

⁶ Гегель в общем виде определяет модальность как «соотношение предметного с мышлением» [Гегель, 2006, с. 485]. Это редкий случай, когда Шопенгауэр с ним согласен: «Модальность суждения обозначает не столько объективные свойства вещей, сколько отношение к ним нашего познания». [Шопенгауэр, 1993, с. 547].

ция чисто методологически должна быть актом знания с теоретическим доминированием – на первое место возвращается категория возможности, ибо «согласно абстрактному мышлению, пустое представление есть первое» [Гегель, 2006, с. 485]. При такой диспозиции – учитывая, что норма выражает связь идеального и реального, объективного и субъективного, – категория необходимости может рассматриваться как выражение связи возможного и действительного. Утверждение Гуссерля, что «каждое практическое руководство целиком включает в себя нормативную, но саму по себе не практическую дисциплину» [Гуссерль, 2011а, с. 56] при переводе на язык полученных модальных соотношений будет означать, что каждое существование включает в себя необходимость или, иными словами, истинно существует только то, что определено к своему существованию некоторой необходимостью. В свою очередь, внутри нормативных положений в качестве их основы залегают положения теоретические [там же, с. 58]. Это предполагает, что любая необходимость, объясняющая в конечном счёте истинное положение дел, исходит из некоторых возможностей. Именно поэтому то, что происходит внутри теории, при всяком его выведении на субъективный уровень, где оно предстаёт как формально-логическое определение, оказывается одновременно возможным, необходимым и действительным, распадаясь впоследствии на отдельные аспекты в рефлексии познающего субъекта [Шопенгауэр, 1993, с. 545]. Теория всегда нормирует практику⁷ в необходимом порядке, и благодаря этому может быть объективно реконструирована на субъективном уровне. Именно модальное рассмотрение дисциплинарности позволяет прояснить, что теория только «нормирует», но никогда не «понуждает» практику, диктуя от силы разве что способы описания эмпирических фактов.

Напротив, всякий практический факт определён в пространстве, во времени, а в конечном счёте в психической жизни познающего субъекта, и потому он всегда оказывается случайным. Так, практика никогда не нормирует теорию, никогда не полагает условий очевидности. (Здесь напрашивается афоризм: «В ожидании теории эмпирическая действительность нормирует сама себя»). Эта фундаментальная акцидентальность практической реальности по отношению к теории, отсутствие в ней каких-либо предпосылок для выполнения условий очевидности, лежит в основе феноменологической критики «естественной установки», развиваемой Гуссерлем в последующих работах.

Если взаимодействие «теоретического» и «практического», находящее выражение в феномене научного знания, представить как особую форму коммуникации (нормированное помещение актов знания в поле дисциплинарности, что ведёт к стабилизации или, напротив, дестабилизации и перераспределению областей научного знания, уже конституированных дисциплинарно), то «акт знания» будет равен семиотическому объекту. Более того, уже выполненное разложение акта знания на структурные составляющие по двум основаниям (дисциплинарность и модальность) позволяет применить в данном случае триаду «знак–значение–смысл», вполне соответствующую семантической теории, предлагаемой собственно Гуссерлем.

Примечательно, что предпосылки для подобной аналитической стратегии можно обнаружить уже в первом томе «Исследований». Причастность индивидуального акта знания к теории, т. е. его возможность выражать в живом

⁷ «Любое теоретическое положение... может быть обращено в норму» [Гуссерль, 2011а, с. 144].

процессе познания чисто идеальное и всегда строго определённое содержание, определяется существованием некоторой возможной области возникновения такого акта в соседстве с другими актами, выражающими то же самое содержание или иные аспекты теории, относительно которой производится выражение. Такая «возможность» составляет «*действительность* (Wesenhaftigkeit) соответствующего понятия» [Гуссерль, 2011а, с. 208] (понятия, а не акта знания!), а действительность понятия, раскрываемая посредством «реальных дефиниций», позволяющих схватить «понятийную сущность», есть *смысл* конкретного акта знания.

В основе нормы лежит теория, именно поэтому «фиксация однозначных, чётко различённых значений слов» достигается не обращением к индуктивно-му освоению эмпирической реальности, а движением мышления со стороны теории: «лишь благодаря интуитивному представлению сущности в адекватной идеации или, в отношении сложных понятий, путём познания действительности заключающихся в них элементарных понятий и понятий форм их соединения» [там же, с. 211]. Таким образом, нормативная составляющая акта знания представляет собой, во-первых, его «необходимость», а во-вторых, его «значение».

Теперь уже отчётливо видно, что «знак» есть нормированная фактичность. Цель нормирования – открыть «познание понятийной сущности... на основе наглядного представления такого предмета» [там же, с. 208], который в рамках теории способен выступать в качестве «знака». Акт знания приравнивается к знаку в том смысле, что оказывается «предметным коррелятом» идеального содержания: встречаясь в психической жизни познающего субъекта как сингулярность, как фактичность, замкнутая в пространственно-временные рамки, – т. е. будучи опознаваем как нечто, обладающее *существованием*, – он, тем не менее, с необходимостью указывает на определённое идеальное содержание, обладающее универсальным характером. Познание как активность, инспирируемая идеальным, репродуцируется, длится и самоуглубляется, не входя в интерсубъективное пространство эмпирических фактов и не порождая его, а по *необходимости* отражая его в мышлении (т. е. путём нормирования и обозначения создавая текст).

Эмпирическому глазу, смотрящему как бы через английский монокль и стоящему на противоположной позиции относительного того «места», которое было символически обозначено понятием *Schaft* (ему впоследствии Гуссерль даст название «трансцендентальное ego»), всякое смысловое содержание акта знания видится через решётку значения-необходимости, что и побуждает говорить о синонимии понятий «значение» и «смысл», переходя к теории двухчленной референции⁸. В защиту этой позиции всегда можно привести слова самого Гуссерля: «*Значение* выступает ...как термин равнозначный *смыслу*» [Гуссерль, 2011б, с. 53]. Но едва ли здесь идёт речь о «синонимии». Во-первых, можно заметить, что Гуссерль, не только по-разному использует эти понятия⁹, но четко разводит их (он пишет: «единство значения и единство предмета» [там же, с. 20], а не «единство значения и предмета»). И, во-вторых, его слова относительно совпадения понятий «значение» и «смысл» сопровождаются массой оговорок, подразумевающих, что такое совпадение возможно только на определённом уровне феноменологического рассмотрения – когда «идеаль-

⁸ О «нестрогой семантике» Б. Рассела см.: [Ладов, 2001, с. 10–11].

⁹ Например, см.: [Гуссерль, 2011б, с. 11, 29].

ный коррелят» «самого предмета» выступает в своей очевидности, и *необходимость нормирования* в отношении содержания выражения снимается (акт знания переживается в своём единстве).

Теоретическому глазу, смотрящему с другого конца уже через немецкий микроскоп, будет очевидно, что именно в фокусе нормирования переживается «совпадение между мысленно полагаемым (Meinung) и самим присутствующим, которое в нём подразумевается, между актуальным смыслом высказывания и самим данным положением дел» [Гуссерль, 2011а, с. 168]. Актуальное переживание такого совпадения суть единичный случай истины как идеи. Поэтому «необходимым бытием» обладают только факты, правда, закономерность их связи с другими фактами определена не эмпирически, а понятийно. Осуществление же такого совпадения на уровне факта, как было показано, склоняет к отождествлению значения и смысла.

Знак как феномен сознания это «практика» сознания, его деятельностная реальность (интенциональная реальность в смысле своей осуществлённости в форме интендирования); «предмет» же как нечто, существующее реально, является теоретическим объектом, «реальность» которого синтезируется в результате нормативного (нормирующего) смыслополагания. Это означает, что только такое смыслополагание (конституирование), которое является нормативным, порождает реальный предмет. И по аналогии с тем, как в основе, в глубине нормативного смыслополагания лежит теория, так и «предмет» должен быть конституирован как нечто лежащее в основе, дающее повод для существования знака.

Предметами феноменологической реальности (пространства истинности Wissenschaft) являются рефлексивно обнаруженные акты знания, а не «вещи», считающиеся существующими в силу наивной предрасположенности. Последние всегда остаются только «знаками»: либо самих себя, как физические объекты (по преимуществу), либо чего-то иного, как (опять же, по преимуществу) семиотические объекты.

Итак, в результате модального анализа основных категорий, используемых Гуссерлем в первом томе «Исследований», получено три параллельных последовательности, имеющих следующий вид:

<i>теория</i>	<i>норма</i>	<i>практика</i>
<i>возможность</i>	<i>необходимость</i>	<i>существование</i>
<i>смысл</i>	<i>значение</i>	<i>знак</i>

Каждый элемент одной из последовательностей имеет соответствующие ему элементы в двух других. Все элементы внутри одного ряда связаны друг с другом не каузально, но исключительно модально. Левая часть полученной «матрицы» выражает теоретический подход, правая эмпирический. Выбор подхода создаёт определённое направление внутри матрицы, направленную (интендирующую) точку зрения. И если уже имеющуюся точку зрения, т. е. осуществившую некоторую интенцию и выраженную в понятиях, проанализировать с помощью этой матрицы, то можно увидеть, что, например, «теоретическое» движение от значения к знаку задаёт понятие «выражение» (Ausdruck), тогда как «эмпирическое» движение от знака к значению – понятие «обозначение» (Bezeichnen). С учетом приведённого выше описания актуального пе-

реживания истины становится ясно, почему в данном случае «обозначение не всегда будет расцениваться как то “придание значения”, которое характеризует выражения» [Гуссерль, 2011б, с. 29].

Если горизонтальные ряды описывают модальные отношения *ноэматического* типа, то о вертикальных рядах (например, «теория–возможность–смысл») можно сказать, что они описывают модальные отношения *ноэтического*¹⁰ типа, характеризующие того рода рефлексивность, которой задаётся характер обнаружения актов знания («эпистемологический темперамент субъекта»).

Образованная горизонтальными и вертикальными последовательностями модальная матрица представляет собой ядро аналитического метода, позволяющего феноменологу от фактичности акта знания, как обусловленного и ограниченного естественной установкой фрагмента реальности, перейти к понятийно ориентированному описанию его «ноэмато-ноэтического строения». Коль скоро задачей феноменолога является выделение «типологических свойств актов» [Гуссерль, 2011б, с. 9], модальная матрица репрезентирует сам принцип этой типологии.

Полученные соотношения имеют не только «внутренний», чисто феноменологический интерес. Они образуют методологический аппарат, позволяющий решать и некоторые «внешние» исследовательские проблемы, касающиеся взаимодействия феноменологии с другими областями научного мышления. С их помощью можно не только отследить формирование специфической семантики Гуссерля во втором томе «Исследований» и её влияние на дальнейшее развитие феноменологической философии, но и показать её взаимодействие с любыми другими семантическими системами.

Список литературы

Гегель, 2006 – *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 3 / Пер. с нем. Б. Столлнера. СПб.: Наука, 2006. 584 с.

Гуссерль, 2006 – *Гуссерль Э.* Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. 320 с.

Гуссерль, 2011а – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике / Пер. с нем. Э.А. Бернштейн; под ред. С.Л. Франка. Новая ред. Р.А. Громова. М.: Акад. Проект, 2011. 254 с.

Гуссерль, 2011б – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Акад. Проект, 2011. 566 с.

Витгенштейн, 2011 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2011. 288 с.

Кант, 2006 – *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2006. 736 с.

Ладов, 2001 – *Ладов В.* Аналитическая философия и феноменология // Логос. 2001. № 4. С. 7–20.

Пятигорский, 2007 – *Пятигорский А.* Введение в изучение буддийской философии (девятнадцать семинаров). М.: Новое лит. обозрение, 2007. 288 с.

¹⁰ Речь идёт только о «модусах самого cogito» [Гуссерль, 2006, с. 101].

Шопенгауэр, 1993 – *Шопенгауэр А.* Критика кантовской философии / Пер. с нем. М.И. Левиной // *Шопенгауэр А.* О четвероюгом корне... Мир как воля и представление. Т. 1: Критика кантовской философии. М.: Наука, 1993. С. 503–608.

Beyer, 2000 – *Beyer Ch.* Intentionalität und Referenz. Eine sprachanalytische Studie zu Husserls transzendentaler Phänomenologie. Paderborn: Mentis, 2000. 218 S.

Klaas, 1998 – *Klaas W.* Edmund Husserl und Hendrik J. Pos: Phänomenologie, Sprache und Linguistik // *Phänomenologische Forschungen*. 1998. Bd. 3, Hft. 2. S. 211–244.

Mai, 2008 – *Mai H.* Edmund Husserls “Logische Untersuchungen” und die Sprache // *Philosophisches Jahrbuch*. 2008. No. 115/1. S. 63–76.

Mulligan, 1980 – *Mulligan K.* Structures and Rules in Husserl and Wittgenstein // *Sprache, Logik und Philosophie: Akten des vierten internationalen Wittgenstein Symposiums*, 28. August bis 2. September 1979, Kirchberg am Wechsel (Österreich) / Ed. by W. Grassl & R. Haller. Wien: D. Reidel Publ. Comp., 1980. S. 461–464.

Soldati, 1996 – *Soldati G.* Bedeutungen und Gegenständlichkeiten. Zu Tugendhats sprachanalytischer Kritik von Husserls früher Phänomenologie // *Zeitschrift für philosophische Forschung*. 1996. No. 3. S. 410–441.

Knowledge act and its modal analysis. Elicitation of E. Husserl’s semantic theory preconditions

Alexander I. Prokhorov

Russian Christian Academy for the Humanities. 15/A Fontanka Emb., Saint-Petersburg, 191011, Russian Federation; e-mail: eisensarg@mail.ru

The paper considers the scientific knowledge conception suggested by E. Husserl in his “Logic Investigations”, volume I. The concept of “disciplinarity” is applied to describe scientific knowledge as a phenomenon. A knowledge act is recognized as a constitutive element of the disciplinarity. Scientific knowledge acts are spread inside the disciplinary field in accordance with the evidence principle. Structure of a knowledge act situated among other acts inside the disciplinary field is homogeneous to structure of modal relations in categorical system elaborated by I. Kant. The modal analysis shows how individual knowledge acts are connected with nascence of science discipline conceptual framework. Therefore it lets to express the structure level of relations between theoretical, normative and practical disciplines. Common principal conditions are given for theoretical consideration of empirical scientific material. The connection between the concept of science as a whole and particular scientific disciplines is described. Science is described to be the principle of the evidence conditions organization, providing the knowledge acts production. The concept of norm is analyzed and it is shown how the inversion of the fundamental norm lets to transfer from theoretical to practical scientific disciplines. The knowledge act is considered as a semiotic object, to which the results of modal analysis may be applied. Interaction between theoretical and practical is introduced as a particular form of communication. It does not only open “from the inside” the expediency of phenomenological reduction as a method, but also clarifies some problems of Husserl’s semantics, which were explicated later in the second part of “Logical Investigations”. In particular, the question of “sense” and “meaning” equivalence may be interpreted by the introduced method. Conceptual interrelation between expression and signification is also described.

Keywords: Husserl, knowledge, modality, phenomenology, semantics, semiotics, philosophy of language

Acknowledgements: The work is prepared within the framework of the RFBR project № 18-311-00268 «The Poetics of Philosophical Thinking: The Cultural Paradigm of the Modern Age and Contemporary Trends».

References

Beyer, Ch. *Intentionalität und Referenz. Eine sprachanalytische Studie zu Husserls transzendentaler Phänomenologie*. Paderborn: Mentis, 2000. 218 S.

Hegel, G. W. F. *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the Philosophy of History]. Vol. 3, trans. by B. Stolpner. St. Petersburg: Nauka Publ., 2006. 584 pp. (In Russian)

Husserl, E. *Kartezianskiye razmyshleniya* [Cartesian Meditations], trans. by D. V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka Publ., 2006. 320 pp. (In Russian)

Husserl, E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Vol. 1, trans. by E. A. Bernshtein. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2011. 254 pp. (In Russian)

Husserl, E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Vol. 2, Pt. 1, trans. by V. I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2011. 566 pp. (In Russian)

Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], trans. by N. Losskii. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 736 pp. (In Russian)

Klaas, W. “Edmund Husserl und Hendrik J. Pos: Phänomenologie, Sprache und Linguistik”, *Phänomenologische Forschungen*, 1998, Bd. 3, Hft. 2, S. 211–244.

Ladov, V. “Analiticheskaya filosofiya i fenomenologiya” [Analytic Philosophy and Phenomenology], *Logos*, 2001, vol. 4, pp. 7–20. (In Russian)

Mai, H. “Edmund Husserls ‘Logische Untersuchungen’ und die Sprache”, *Philosophisches Jahrbuch*, 2008, no. 115/1, S. 63–76.

Mulligan, K. “Structures and Rules in Husserl and Wittgenstein”, in: *Sprache, Logik und Philosophie: Akten des vierten internationalen Wittgenstein Symposiums, 28. August bis 2. September 1979*, Kirchberg am Wechsel (Österreich), ed. by W. Grassl & R. Haller. Wien: D. Reidel Publ. Comp., 1980, S. 461–464.

Piatigorsky, A. *Vvedenie v izuchenie buddiiskoi filosofii* [Introduction to the Study of Buddhist Philosophy]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 288 pp. (In Russian)

Schopenhauer, A. “Kritika kantovskoi filosofii” [Critique of the Kantian philosophy], trans. by M. I. Levina, in: Schopenhauer, A. *O chetveroyakom korne... Mir kak volya i predstavlenie. T. 1. Kritika kantovskoi filosofii* [On the Fourfold Root... The World as Will and Representation. Vol. 1. Critique of the Kantian philosophy]. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 503–608. (In Russian)

Soldati, G. “Bedeutungen und Gegenständlichkeiten. Zu Tugendhats sprachanalytischer Kritik von Husserls früher Phänomenologie”, *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 1996, no. 3, S. 410–441.

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], trans. by I.S. Dobronravov and D.G. Lakhuti. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2011. 288 pp. (In Russian)